

Анатолий Иванов

ЧЕЙ ДУХ НЕ ВЫНОСИЛ КЛАГЕС

Знаменитая книга Людвига Клагеса «Дух как противник души», вышедшая в трех томах в 1929—1932 годах, надо думать, шокировала немцев. Хотя они пишут с большой буквы все существительные, слово «дух» они, вероятно, пишут мысленно с очень большой буквы или окрашивают в какой-то особенный цвет. И кто-то вдруг осмелился сделать дух негативным понятием, оскорбить его величие. Какое кощунство!

XIII Конгресс Немецкого философского общества в 1936 году был специально посвящен опровержению «враждебного духу» учения Клагеса. Учитывая время, когда проходил этот Конгресс, можно предположить, что инициатива осуждения исходила от идеологических верхов правившей в то время в Германии партии, подобно тому как у нас в 1948 году сессия ВАСХНИЛ осудила вейсманизм—менделизм—морганизм, а в 1950 году, с подачи самого товарища Сталина, лингвисты дружно принялись поносить учение Н.Я. Марра чуть ли не через двадцать лет после смерти академика.

Наше предположение подтверждается тем, что официальный орган НСДАП «Фёлькишер Беобахтер» отметил 70-летие Клагеса 10 декабря 1942 года таким резюме: «Во всех решающих мировоззренческих вопросах не может быть никакого компромисса между нашим мировоззрением и мировоззрением Клагеса».

Вслед за философами не упускали случая лягнуть Клагеса и немецкие расологи. Говоря, например, о смешении нордической и альпийской рас, они ехидно добавляли, что вот у таких смешанных типов и происходит конфликт духа с душой.

Ирония не по адресу. Клагес, суди по портретам, был человеком вполне нордическим и родом из Ганновера, из Северной Германии, вообще-то сравнительно бедной философскими и прочими талантами. Самые знаменитые немецкие философы – южане; кстати, большинство немецких расологов тоже уроженцы юга Германии.

Но немец Клагес покинул Германию еще в Первую мировую войну и переселился в Швейцарию. Там он нашел приют в Кильхберге, тихом предместье Цюриха, там его и похоронили в 1956 году, недалеко от могилы Томаса Манна.

В той же Швейцарии в ту же Первую мировую войну оказался ставший жертвой травли у себя на родине Ромен Роллан. Пребывание в этой стране, где когда-то Ницше начал творить своего «Заратустру», пошло ему на пользу: раз в жизни он перестал писать сентиментальную размазю, которой пичкал своих читателей до того, и после того, и создал совершенно необычную для него вещь – роман «Клерамбо» (1920).

Главный герой этого романа, именем которого и названо это произведение, любопытным образом высказывает, пока лишь в форме афоризмов, те мысли, которые Клагес десять лет спустя развил в своем огромном фолианте. Например: «Мысль – это стихия, она пропитывает человека насквозь, но не исходит от него. Мысль переполняет человека и сводит с ума. Некоторым удается справиться с этим потоком. Но он на лету увлекает за собой всю огромную массу. Его чудовищная сила не состоит на службе у человека». Это Клерамбо у Р. Роллана.

А вот как характеризует метафизику Клагеса Герхард Леман в своей книге «Немецкая философия современности» (Штутгарт, 1943). Тело и душа это два полюса одной сущности, которую Клагес называл «Lebenszelle» – «ячейка жизни». «В нее извне врезается, подобно клину, дух, стремясь разъединить между собой эти два полюса»¹.

Если этот «дух» вторгся откуда-то извне, необходимо уточнить, откуда именно. И здесь мы неизбежно вступаем в область метафизики. Г. Леман пишет о двойственном отношении Клагеса к Ницше. Ницше был антиметафизиком (хотя его учение о вечном возвращении явно нуждается в метафизическом обосновании), а Клагес видел Ницше в метафизическом свете. Г. Леман утверждает, и в этом он, пожалуй, прав, что любая попытка развить идеи Ницше означает их перетолкование. «Мы отделяем метафизически от ячейки жизни дух как мировую силу и находим вместе с Ницше ключ к сущности духа не в интеллекте, а в воле». Г. Леман не преминул заметить, что имя Ницше здесь упомянуто всуе: это уже не Ницше, а сам Клагес, который выступал против отождествления у Ницше жизни и воли к власти. Он видел «ужасное противоречие самому себе» в том, что тот же самый философ, который, как никто другой, разоблачил преступления воли к власти против жизни, сделал из воли к власти начало жизни»².

¹ Г. Леман. Ук. соч., с.450.

² Там же, с.448, 449.

Враждебная жизни сила «духа» заключается, по Клагесу, именно в воле. Клагес ненавидел «сознательную волю с ее планированием... стремлением к власти и противоестественностью»³.

О «преступлениях против жизни» говорил и роллановский Клерамбо, имея в виду проявление метафизического «духа» на человеческом уровне. Человек, по его словам, «наряжает свое скотство в лживый и болезненный идеализм. Он не устраняет своих собственных инстинктов, он их обожествляет. Он идеализирует и старается разъяснить их. Но, так как он не может этого сделать, не подчиняя их чрезмерному упрощению... он извращает свои инстинкты, углубляя их в единственном направлении. Всё, что уклоняется от предначертанной линии, стесняет узкую логику его мысленной постройки, он не только отрицает, он просто разрушает во имя священных принципов. В живой бесконечности природы он производит огромные порубки, чтобы позволить существовать единственным избранным им деревьям познания: они развиваются в пустыне и на развалинах, чудовищным образом».

Под это красочное описание подходит всё: и победа христианства над античным миром, и завоевание мусульманами Ирана и Индии, и даже коммунистический период истории России. Это проявления не бессознательной воли к существованию, какой была мировая воля у [Шопенгауэра](#), а именно сознательной воли, которую ненавидел Клагес и которую Ницше определял как «волю к власти».

Задолго до Клагеса внутреннее противоречие у Ницше отметил русский философ Вячеслав Иванов, который писал в 1904 году в статье «Ницше и Дионис»: «Ничто не может быть более противным дионисийскому духу, чем выведение порыва к сверхчеловеческому из воли к могуществу: дионисийское могущество чудесно и безлично, – могущество, по Ницше, механистически-воинственно и эгоистически насильственно»⁴. Каким бы ни был древний дионисизм, сам Ницше связывал с именем Диониса учение о вечном возвращении, отнюдь не «безличное» по своему смыслу, но в своей оценке «воли к власти» В. Иванов был прав и перекликался с Клагесом, для которого «духовность» была таким же злом, как и эгоизм, и не представляла собой ничего другого, кроме эгоизма, ибо в основании этой «духовности» лежала та самая «воля к власти», которую правильной называть «произволом»⁵. У Клерамбо это инстинкты, замаскированные под идеализм.

³ Там же, с.454.

⁴ В. Иванов. Родное и вселенское. М., 1994, с.33.

⁵ Г. Леман. Цит. соч., с.454.

В эпоху национал-социализма «надтреснутого» Ницше разделили: Хайдеггер стал развивать учение о вечном возвращении, а Боймлер, как официальный идеолог режима – учение о воле к власти, наиболее приятное для вождей этого режима. Но сам он такой воли не проявил, а обнаружил умение хорошо приспособиваться, что позволило ему процветать и после войны, обличая те самые идеи, которые он же сам раньше и пропагандировал.

Но что больше всего смущает у Клагеса лично меня, так это его представление о сознательной воле как о сущности зла. В моей работе «Не Богом единым...» я исходил из того, что волевые сгустки, с уровня которых, соответствующего шопенгауэровской мировой воле, исходит то, что мы называем «злом», лишены сознания и чем-то похожи на допотопных ящеров. Но одновременно я писал и о том, что «группа монад, нацеленная на определенный волевой сгусток, посылает ему свои общие волевые импульсы и привносит в него то разумное начало, которым он по природе своей не обладает». Я вижу теперь, что этот тезис нуждается в уточнении. Первый вопрос: посылка волевых импульсов и привнесение разумного начала это один и тот же процесс или два разных? Я описывал лишь тот простейший случай, когда волевой импульс, покидая монаду, растворяется в бессознательном волевом сгустке, условно именуемом также архетипом, и лишь позже, по мере индивидуализации, к нему постепенно возвращается сознание, изначально присущее только монадическому уровню. Но может быть и так, что волевой импульс уносит с собой и часть сознания монады, способность к механическому, механистическому мышлению, и не теряет эту способность, даже попадая в архетип, т.е. говорить о «растворении» здесь уже не приходится. Речь идет о том самом «темном основании духа», о котором писал еще Лейбниц.

Второй вопрос: привносится ли разумное начало в архетип в целом или лишь в его отдельные элементы? Отдельные монады, которые «растворяются», могут повлиять на архетип лишь впоследствии, по мере индивидуализации, зато «целенаправленное воздействие группы монад» может породить такую гибридную форму, как сознательный архетип. Я ведь допускал в своей вышеупомянутой работе возможность частичного смешения разных реальностей. И вот эту смешанную форму Клагес как раз и считал главным источником зла. В метафизическом плане получается то же, что и в земном: «Бог создал белых и черных людей, а мулатов создал Дьявол». Никто, конечно, никого не создавал: самих создателей люди представляли себе по образу и подобию тех феноменов, сути которых не понимали.

Нам объясняют, что «дух как противник души» у Клагеса это, собственно не дух, а воля, притом сознательная. В роли противника души, выступает, если говорить точнее, не сам дух, а «темное основание духа», если пользоваться выражением Лейбница, совмещенное с бессознательной волей.

Я спорил с Д. Андреевым о правильности употребления таких терминов, как «падение монад» и «демонические монады». Пожалуй, особенно спорить и не стоило бы, эти выражения, в общем-то допустимы, только, конечно, с оговорками. Я указывал на такую возможность, что волевые выбросы монад могут до того довыбрасываться, что монада выбросит их окончательно. В этом случае можно говорить о павшей монаде подобно тому, как христиане говорят о падших ангелах, только всегда иметь в виду, что речь идет лишь о частях монад. Языческие боги были символами архетипов отдельных народов и только еврейский Яхве это монадический выброс, слившийся с хищным архетипом, это единственный сознательный волевой сгусток этого типа среди массы других сгустков, лишенных сознания: в этом подоплека «богоизбранности евреев» и иллюстрация к рассуждениям Клагеса о сознательной воле как о воплощении зла. Можно привести и чисто художественную иллюстрацию: в балете Чайковского «Спящая красавица» злая фея Карабос действует с обдуманном коварством, а добрая фея Сирени – посредством чудес, немотивированно»⁶.

Еврейский Яхве – бог архетипного уровня, это не монада. Монада, от которой он отпал, продолжает существовать, ее посланцем и был Христос, который пришел, чтобы напомнить земным воплощениям этого архетипа о существовании более высокого, монадического уровня, но те не захотели слушать. Их больше устраивает роль «князей мира сего» под покровительством мощного разумного архетипа.

Другой пример конфликта архетипной и монадической религии мы имеем в Индии, где с одной стороны выступает индуизм с его кастовой системой, где принадлежность человека к высшей касте определяется его рождением, подобно тому, как каждый еврей от рождения «богоизбранный», а с другой – буддизм, тоже отвергнутый Индией, как христианство – евреями, и подхваченный другими народами. Буддийская нирвана это гармоничное состояние монады; Будда достиг его при жизни, но отказался оставаться в нем, дабы возвестить людям свое учение. Его примеру подражают Бодхисаттвы махаянистского буддизма: они имеют возможность оставаться в нирване, т.е. на монадическом уровне, но идут на все новые и новые воплощения, чтобы помочь другим людям достичь того же уровня, что и они сами.

Есть большая разница между падением монады и ее нисхождением. В первом случае мы имеем обрыв монадической связи: обломок монады, слившийся с хищным архетипом, делает этот архетип демоническим (это демонических монад не бывает, а вот гибридные архетипы, заслуживающие такого названия,

⁶ А. Альшванг. П.И. Чайковский. 2-е изд. М., «Музыка», 1967, с.699.

существуют), как раз и олицетворяющим в себе пресловутую «волю к власти». Гибридный архетип, облюбовавший для своего земного воплощения семитские народы Ближнего Востока, и стал первоисточником двух мировых религий, которые «произвели огромные порубки в живой бесконечности природы, чтобы позволить существовать единственным избранным им деревьям познания, и те развились в пустыне и на развалинах, чудовищным образом». Это и есть тот «дух», которого Клагес заклеил как «врага души», сознательная, злая воля, направленная против жизни.

Иную картину мы наблюдаем в Индии. Здесь тоже имело место погружение монады в архетип, но не хищный, и без обрыва монадической связи, поэтому «огромных порубок в живой бесконечности природы» не было, жизнь сохранялась во всем ее многообразии, в каком она только и может существовать, но в то же время она не идеализировалась; постоянно подчеркивалось, что она полна страданий, и тем, для кого они становились невыносимы, напоминали о существовании иного, высшего уровня, скрытого под очень неопределенным в силу невозможности объяснить его в категориях человеческого сознания понятием «нирвана». И мировая религия, которая вышла из этого круга, вышла не с топором в руках для «порубок», она никому не навязывала себя насильно. Архетипом мировой религии может быть только гибридный архетип, сплав сознания и воли, но, если в семитском архетипе в этом сплаве преобладает воля, то в индийском – сознание. Будда был человеком с сознанием монады.

Ницше как-то назвал христианство попыткой «построения нового буддизма на совершенно гнилом фундаменте», но не развил эту свою мысль. За него это сделал современный датский буддолог Христиан Линдтнер, который выявил в греческих текстах Евангелий прямой плагиат – куски, переведенные с санскрита из буддийских сутр «Муласарвастивадавинайя» и «Саддхармапундарикасутра»⁷. Но это, так сказать, материальная сторона вопроса, метафизическая же заключалась в том, что Христос, как и Будда пришел для того, чтобы напомнить людям о существовании иного, монадического уровня – он называл его «царством небесным», Будда «нирваной», но суть дела от этого не меняется. Суть в том, что Христос взывал не к тем людям.

В результате того, что Христос обратился не по адресу, возник совсем уж чудовищный гибрид архетипной религии еврейского народа (Ветхого Завета) с монадической мировой религией – христианством. Христиане просто обязаны по-

⁷ См. его статью «Новое сравнение буддизма с христианством», «Vierteljahreshefte für freie Geschichtsforschung», 8-й год изд., No.1, апрель 2004, с.11—23.

читать еврейский народ как богоизбранный. Буддизм же индуистскую систему каст никуда за собой не потащил.

Вышеупомянутый религиозный гибрид был делом рук «апостола» (чьего, следовало бы уточнить) Павла. Клагес вслед за Ницше констатировал: «Христианство это паулинизм, а паулинизм это особая форма яхвизма». Не современное естествознание, а еще возникшее из еврейской религии христианство запустило тот глобальный процесс секуляризации, жертвой которого стал существовавший до того «пеласгический» мир бессознательного созерцания и стихийных действий, заполненный мифами и символами. Просвещение, эмпирически-рациональное естествознание и технико-индустриальное покорение мира уходят своими корнями в христианско-монотеистическую десакрализацию природы, отношение к которой раньше было магическим. Христианство само это уже «демифологизация», «секуляризация» и «просвещение»⁸.

Клагес считал, что логоцентрическую картину мира необходимо заменить биоцентрической. Если вкладывать в эти понятия обычное содержание, то надо вынуть из мира вбитый в него клин, так называемый Логос (примитивно переводимый на русский язык как «Слово»), духовное начало, якобы сотворившее мир и правящее им. Но даже если мы поймем, что такого начала нет, в мире не перестанут хозяйничать воплощения хищных архетипов с их нахрапистой «волей к власти» и будут делать это от имени того же самого несуществующего начала. «Биоцентризм» это не альтернатива, тот, кто ее предлагает, не поднимается в своем мировоззрении выше архетипного уровня со всеми его сомнительными прелестями.

Но у Клагеса «логоцентричность» – понятие более сложное. Главной предпосылкой его философии является учение об образах. «Образ» это то, что объединяет между собой, например, людей нескольких поколений; без него они не имеют между собой ничего общего. Мы действительно знаем случаи полного отречения людей от своих предков, смену ими «образа». Но что же представляет собой этот образ? Г. Леман считает это понятие у Клагеса совершенно платоновским и удивляется, почему Клагес сражался не только против любого платонизма, т.е. предположения, будто «идеи» образуют некий неизменный мир, но и против любой «онтологии реальности», так как понятие Бытия не совпадает с реальностью, а их отождествление (впервые у элеатов) – роковой шаг к непра-

⁸ Герд-Клаус Кальтенбруннер. Трудный консерватизм. Николаи. Херфорд-Берлин, 1975, с.257.

вильному пониманию реальности, к замене первоначального понимания реальности логоцентрической картиной мира⁹.

Здесь сначала придется сделать маленькое отступление и отметить, что Клагес своевременно предостерег против забытых вроде бы элеатов, потому что в Германии их учение сегодня пытается возродить г-н Дитрих Шулер, творец собственноручной философии под названием [«креатизм»](#) и певец той самой «воли», сделав ставку на которую Германия очень сильно пострадала. Главной категорией философии Д. Шулера является абстрактная категория Бытия вообще, Клагес же советовал искать реальность вообще не в сфере Бытия (мыслительной абстракции), а в сфере переживания.

«Понятие Бытия не совпадает с реальностью», – вот основной тезис Клагеса, на который следует обратить особое внимание, и не только Д. Шулеру. Никакие абстрактные рассуждения о Бытии не приблизят нас к пониманию реальности. Реальны образы, но они переживаются, созерцаются, ибо любое переживание созерцательно. Созерцание же можно определить как «внутренний эквивалент реальности образов, воспринимаемых в их независимых изменениях». Мышление же лживо превращает эту реальность в «деяние духа».

Образы Клагеса, если исходить из того, что у него именно «образ» связывает между собой людей разных поколений, соответствует тому, что мы называем архетипом, а связь личности с архетипом не рациональная, а эмоциональная. «Переживания» Клагеса мы хорошо знаем по русской поэзии. «Умом Россию не понять», «Но я люблю, за что, не знаю сам», «Татьяна, русская душою, сама не зная, почему... любила русскую зиму». Здесь главную роль играет именно «душа».

Но вот в эту душу вторгается ее противник, дух, чужой, агрессивный, наглый и заявляет: «Все, что ты любила, ничего не стоит, отбрось все это: отныне ты будешь поклоняться совсем другому». И далее следует четкий перечень, чему именно. И древний эллин со всей своей культурой и утонченностью уступал напору христианской черни и начинал «отченашить», и перса заставляли думать, что эпоха величия его древней империи это «джахилийя», период невежества, и индус забывал мудрость Вед, затверживая примитивные формулы ислама, и русский человек «тихо садился за Маркса». А если не садился, то его сажали в другое место.

⁹ Г. Леман. Цит. соч., с.451, 452.

Термин «созерцание» имеет в философии много значений, одно из них – «эмпирическое, непонятное, нерациональное постижение действительности». Именно так понимал созерцание Клагес, выступая в качестве продолжателя философов-романтиков, в частности, Каруса, у которого он заимствовал представление о теле, как о проявлении души.

Но самое большое влияние на Клагеса оказал главный идеолог кружка «космистов», существовавшего в Мюнхене в конце XIX – начале XX века, Альфред Шулер. Его сравнивали с Сократом, потому что он проповедовал свои идеи устно и при жизни ничего не напечатал – его рукописи Клагес издал в 1940 году, через 17 лет после смерти А. Шулера. В интеллектуальной биографии Клагеса А. Шулер сыграл примерно такую же роль, как Сократ в духовном развитии Платона. А. Шулер сам считал себя реинкарнацией одного из римлян эпохи Империи, и Клагес видел в нем «несомненный пример возврата ранее уже жившего свидетеля жизни». Под его влиянием Клагес поверил в реальность мифических сил¹⁰.

Иными словами, Клагес поверил в реальность мира архетипов. Он не смог понять, почему в начале мировой истории произошло «вампирическое вторжение духа в полярную изначальную реальность души и жизни. Глубокая пропасть разделила переживание и сознание, Биос и Логос. В духе Клагес видел не венец развития души, а ее радикального противника. Правда, уточняет Г-К. Кальтенбруннер, под духом Клагес понимал не столько способность мыслить, сколько волю, точнее, направленность человеческой воли на покорение природы с помощью технически-инструментального разума. Воля – это сила, убивающая жизнь. «Воля это постоянно возобновляющееся убийство жизни, и символ ее – самоубийство».

Вторжение сознательной воли искажает и овеществляет изначальную «реальность образов», организм с полярной структурой, в котором происходят непрерывные изменения. Оно отравляет душу, непосредственно связанную с Космосом. В результате мы больше не воспринимаем реальность как таковую, а только ее причинно связанные между собой отголоски в виде таких категорий как «вещи» и «качества».

В результате вторжения духа в живую, одушевленную реальность тело становится все более бездушным, душа – все более бестелесной, а жизнь как таковая уничтожается. Этапы этого вырождения описывает мифология.

¹⁰ Г-К. Кальтенбруннер. Цит. соч., с.251.

Прометей это пробуждение сознания на этапе, когда человечество еще связано с землей и с жизнью. Геракл это подчинение ранее наполненной космическим Эросом природы «действенному духу», а Яхве – окончательная победа враждебного жизни принципа: «Высоко в зените неподвижно стоит бесцветная световая точка, антисердце мира – Логос»¹¹.

Всемирная история это история все большей профанации природы. В своей ненависти ко всему живому Логос уничтожает природу. То, что человек делает с Землей, он делает с самим собой. Видя в природе одно сырье и превращая Землю в сплошной Чикаго, он сам становится роботом-паразитом, убивая в себе все, что выходит за рамки технической целесообразности и рациональности.

Все это исподволь готовилось в христианских монастырях. Мнимое «просвещение» и «идолопоклонство перед разумом» нового времени это лишь обращения на внешний мир той жестокой обработки, которой воля раньше подвергла человеческую душу.

Клагес предвидел апокалиптический конец жизни на Земле. Дух, как и положено паразиту, сожрав все, что только можно сожрать, отправится на поиски новой жертвы.

Герд-Клаус Кальтенбруннер, консервативный мыслитель, с известным военным преступником ничего общего, кроме фамилии, не имеющий, считает, что по сравнению с Клагесом, который не питал никаких иллюзий относительно будущего, «Закат Европы» О. Шпенглера – всего лишь утешительная утопия¹².

«Единственное, что мы можем сделать, – писал Клагес, – это открыть людям глаза. Мы должны, наконец, перестать смешивать то, что разделено глубокой пропастью: силы жизни и души и силы разума и воли. Мы должны осознать, что сущность «рациональной» воли это разрывание в клочки «покрывала Майи», и что человечество, которое отдается этой воле, в слепой ярости опустошит Землю, собственную мать, пока, наконец, не превратит в ничто жизнь вообще и самое себя. Ни одно учение не вернет нас к тому, что однажды было потеряно. Помочь мог бы только внутренний поворот жизни, но это людям не под силу»¹³.

Г.-К. Кальтенбруннер, подробно рассказав о взглядах Клагеса, признается, что он тоже не знает, как можно преодолеть глобальный экологический кризис: для

¹¹ Там же, с.255—256.

¹² Там же, с.262.

¹³ Там же, с.261.

этого люди должны снова научиться с благоговением относиться к жизни; нужна новая, воплощенная в практику «теология Земли». Поэтому мир идей Людвига Клагеса сегодня актуальней, чем когда бы то ни было»¹⁴.

По содержанию мысли Клагеса, действительно, вполне современные, но методика его мышления архаична, не в том смысле, что она уходит своими корнями в античный мир, а в том, что она вертится в заколдованном кругу монизма, очерченном христианством вокруг его владений. «Дух», как мы видим, один, «Душа» – тоже одна. Что это: борьба Мирового духа с Мировой душой? Манихейство наоборот, как выражается Г.-К. Кальтенбруннер?

Только слово «образы» Клагес употреблял во множественном числе, и это соответствует реальной множественности архетипов. Если Ницше, провозгласив лозунг: «Оставайтесь верными Земле» и сам старался следовать ему, умышленно «приземлив» свою философию, ограничив ее материальным миром и отбросив мысли об иных мирах, то Клагес возвел на этом основании метафизическую надстройку, но его кругозор в этой области тоже был ограничен: ему был открыт лишь мир архетипов.

По Клагесу, «человек может лишь вернуться в лоно Всежизни, где исчезнет его персональное бытие»¹⁵. Это архетипное мышление в самом чистом виде.

Мир монад оставался для Клагеса закрытым. Он не знал, откуда взялся этот зловредный Дух, который ни с того, ни с сего вдруг начал делать пакости его любимой Душе. Можно, конечно, и не терзать себя этим вопросом. Будда, например, говорил, что, если человека ранило стрелой, не надо интересоваться, откуда прилетела стрела, а надо лечить рану. Но Будда знал, как лечить раны, так как он был посланцем монадического уровня, а Клагес откровенно признавался в том, что не знает, как вывести человечество из тупика, куда оно дружно топает с веселым ржанием. Знал Будда также, «откуда прилетела стрела», но не мог объяснить этого людям той эпохи, в которую он жил. В фантастическом романе С. Лема «Эдем» инопланетное существо пытается объяснить людям смысл тех непонятных явлений, которые они наблюдают, но перевод его речи постоянно перебивается вставками «отсутствия термина», «отсутствие термина». Ко временам Клагеса философская терминология была уже достаточно разработана, так что уже можно было обойтись без подобных вставок.

¹⁴ Там же, с.265.

¹⁵ Г. Леман. Цит. соч., с.456.

То, что Клагес называл «вторжением духа», было монадическим выплеском в мир архетипов. Выплески эти имели разный характер. В Палестине этот выплеск утратил монадическую связь, и попытка Христа восстановить ее закончилась неудачей. В Индии эта связь никогда не прерывалась, потому что разум в этом монадическом выплеске был сильнее воли. Клагес выводил насилие над природой, творимое европейской цивилизацией, из насилия над собственным телом, творимого христианскими монахами. Но в Индии аскетизм был распространен не меньше, если не больше, однако там насилие аскетов над собой не имело таких катастрофических последствий. Разум направлял волю не на покорение природы, а на восстановление в человеке гармонии монадического мира, нарушенной волевым выплеском.

Дух, который Клагес правильно определил как главный источник зла, это воля к власти, присущая хищным архетипам. Она становится особенно опасной, когда получает разумное монадическое подкрепление. Но, что бы там не говорил Ницше, воля к власти – отнюдь не единственная разновидность воли. Другое ее проявление – воля к совершенствованию; это тоже разумная воля, но совсем иной направленности. Именно благодаря ей возникают высшие типы, а не по какой-либо иной причине. Это и есть та самая энтелехия, которую Гете отождествлял с монадами.

Что же касается жизни «во всем ее многообразии», то она включает в себя слишком много безобразия, чтобы петь ей хвалебные гимны и считать высшей ценностью. Есть, конечно, любители, готовые до бесконечности кататься на чертовом колесе сансары, но это, как говорится, их личное дело. «Воля к власти» пытается подстричь это разнообразие под одну гребенку, но это равнозначно уничтожению жизни, и тогда воле к власти не останется иного выхода, кроме самопожирания. Воля к совершенствованию не ликвидирует многообразие жизни, а наоборот, дополняет его новыми, высшими формами.

И Ницше, и Клагеса можно отнести к представителям так называемой философии жизни. Но Ницше создал еще учение о сверхчеловеке. Но этому сверхчеловеку, когда он появится, нужна будет философия сверхжизни. Потому что без нее он не появится.

Москва, 10 декабря 2008

[Велесова Слобода, 2008 г.](#)